

Наталья Швец

СЕМЬИ МОЕЙ ЦВЕТНОЕ ПОЛОТНО

Наталья Шве́ц

Семьи моей цветное полотно

«Десятая Муза»

2026

УДК 82.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Швец Н.

Семьи моей цветное полотно / Н. Швец — «Десятая Муза», 2026

ISBN 978-5-00194-171-2

«Семьи моей цветное полотно»... Думается, название книги говорит само за себя. Однако насколько удачно у меня получилось соткать это полотно, решать моей семье, для которой оно создавалось.

УДК 82.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00194-171-2

© Швец Н., 2026
© Десятая Муза, 2026

Наталья Швец

Семьи моей цветное полотно

© Швец Н.В., 2026

* * *

Наша семья Щербаковых-Берниковых является потомками древнего кочевого народа, о котором много что сказано и написано. Однако определить, что из сказанного является правдой, а что вымыслом, никто может.

Прекрасно понимаю – развеять мифы, сложенные о фараоновом племени на протяжении многих веков не получится, впрочем, я к этому особо и не стремлюсь. Моя задача несколько иная – на примере нашей семьи поведать об этом удивительном кочевом народе, где объединилось несколько племен. Поясню: это ловари, влахи, котляры, сэрвы. Наш род принадлежит как раз сэрвам.

Прежде сэрвы традиционно занимались торговлей лошадьми, кузнечеством и обувным делом. Одно время молодые сэрвы даже служили в казацких войсках. Но больше всего сэрвы преуспели в культуре. Они заметно отличились в музыкальной и театральной области, довольно много представителей этого рода принимали участие в становлении цыганского театра в России. Так что нам можно гордиться своими предками.

Но мой рассказ не о племени сэрвов. Я хочу рассказать о своей семье и надеюсь, что мое повествование получилось таким же ярким как цветастая шаль, которая является непременным элементом одежды цыганских женщин...

Когда моя мама Галина узнала, что собираюсь написать историю семьи, она очень удивилась. Нет, не тому, что вдруг решила примерить на себя роль семейного летописца. Ее удивило иное, в чем честно призналась после некоторого раздумья:

– Странно, мы всю жизнь скрывали свою национальность. Всегда боялись, что кто-нибудь узнает. А вы, наоборот, гордитесь. Хотя никто из нас не пытался в вас привить эту свою гордость за свою национальность...

Мамы давно нет, а книга о семье Щербаковых-Берниковых есть и, благодаря брату Денису, наконец-то увидела свет. За это ему огромное спасибо...

Чтобы внести ясность, представлю главных героев своего повествования. Это основатели нашего рода Василий Николаевич Щербаков и его супруга Агафья Михайловна Берникова, и их дети Лариса-Галина, Николай, Михаил и Людмила. Разница в возрасте между старшей Галиной и младшей Людмиллой была 17 лет, однако все жили очень дружно.

* * *

Если честно, порой думается, что мои предки, выбрав оседлый образ жизни, совершили ошибку. Мы, конечно, им очень благодарны, что они избавили нас от тягот кочевой жизни, но иногда вдруг просыпается голос крови, и очень хочется одеть несколько оборчатых юбок, подвязаться той самой цветастой шалью и пойти, как однажды сказала моя мама, солнцем палимая, ветром гонимая. Хотя вполне вероятно, что подобные желания возникают исключительно потому, как не знаем, что это такое идти до самого горизонта, неизвестно куда и зачем.

Вообще получился удивительный парадокс. К дому нас привязали, окружили всеми благами цивилизации, заставили забыть родной язык, обычаи, а вот голос крови заглушить так и не смогли. Время от времени она так начинает бурлить, что справиться с ней бывает довольно сложно... Видимо, удивительно живуч оказался дух кочевого народа.

Всю свою сознательную жизнь я пыталась найти ответ на вопрос: где он скрывается, этот самый дух? В языках пламени, на которое смотришь? В цыганских песнях, что так любят петь в нашей семье, танцах или в бесконечной дороге, по которой мы бесконечно долго идем всю свою жизнь...

Некоторое время назад пыталась найти ответ в постановках театра «Ромэн». Что-то в душе шевельнулось, особенно, когда артисты запели знакомые с детства песни, но вскоре все быстро погасло. Слишком на сцене смотрелось все гладко и красиво. В жизни подобного не бывает. В жизни куда все сложнее получается.

Говорю сразу: я, пусть и взялась писать летопись своей семьи, не являюсь большим знатоком истории народа, которому принадлежу. Во-первых, этому самому племени очень присуще придумывать о себе самые разные легенды, правдивость которых установить довольно сложно.

Во-вторых, в моих жилах, как впрочем и в жилах моей сестры Татьяны и брата Дениса, течет, так сказать, несколько разбавленная кровь. В-третьих, и основных, следует не забывать, старшее поколение по ряду объективных причины тщательно скрывали свою национальность. Самое смешное, что все окружающие об этом прекрасно знали.

Никогда не забуду реакции своей тети Люси, когда я попросила деда научить меня цыганскому языку. Она тогда жутко разозлилась:

– Как посмела? Да еще в присутствии подруги, которая считает меня русской!..

Услышав ее слова, дед Василий обиженно засопел, мне даже показалось, что на его глазах появились слезы, но сдержался и промолчал. А когда мы с ним остались одни, он с нескрываемым удовольствием стал учить главным словам:

Привет – бахталэс

Добро пожаловать! – Мишто явьЯн!

Мама – дАе

Папа – дАдо

Сын – чЯво

Дочь – чай

Сестра – пхрЭн

Брат – пшал

Поначалу мне эти уроки очень нравились, даже тетрадку отдельную завела, куда все старательно записывала. Но потом надоело, в школе учись, дома учись. Сколько можно?! Впрочем, отдельные слова и фразы все-таки запомнила.

Самое интересное, дед с бабкой и вся их родня между собой всегда говорили на своем родном языке, особенно, когда хотели, чтобы дети не знали, о чем идет речь. Обычно я злилась, но взрослых это особо не волновало. Вот по сей день не могу понять, почему в семье детей не учили родному языку. Что здесь было плохого? И при этом большое внимание уделялось образованию. Все дети получили высшее образование и сделали хорошую карьеру.

Кстати, дед Васька никогда не произносил слова «цыган». Обычно говорил «рома, ромалэ», а русских называл «ракли». Если же хотел показать презрительное отношение, бросал, словно сплевывая: «гадже».

Несколько позже узнала, что «рома» своего рода является напоминанием о длительном проживании этого кочевого народа в древней Византии, которая, как известно являлась частью Римской империи. Только думаю, это еще одна из легенд, которых так много придумано об этом удивительном и загадочном народе.

* * *

Прежде, чем приступить к рассказу о своем семействе, немного остановлюсь на официальной информации, так сказать, чтобы имелось представление, кто же такие на самом деле цыгане.

Имеется довольно интересная версия о возникновении слова «цыгане». Считается, что своими корнями оно уходит к греческому «агцингани», что означает «неприкасаемый». В качестве примера обычно приводится работа «Житие Георгия Афонского», написанная в XI веке. В ней сказано, что «неприкасаемыми» называют одну из еретических сект. Только вот беда, никто из исследователей не может точно сказать, о ком на самом деле говорил этот самый Георгий Афонский.

Однако, чтобы сейчас не говорили и как бы не рассуждали, нация это и, действительно, уникальная. Вот простой пример. Цыгане или рома, кому как больше нравится, не имеют своего алфавита, письменности, земли, государства, и тем не менее у них есть совершенно неповторимая и самобытная культура, которую им, не взирая на все гонения, удалось сохранить. Одни ею восхищаются, другие боятся, но никто не остается равнодушным.

Цыган часто называют «фараоновым племенем», подчеркивая тем самым, что вышли они из Египта. И вновь твердых доказательств этому нет. Согласитесь, гадание на картах таро, что якобы произошло от виньеток древнеегипетской Книги мертвых, и которое цыгане привезли в Европу, служит слабым тому подтверждением.

Зато проведенные генетические исследования доказывают: истоки кочевого племени уходят в Индию. Вряд ли кто станет спорить с наукой. Опять же, имеется еще одно подтверждение – механизмы индийской медитации и цыганского гипноза во многом схожи. К тому же, очень схожа культура, методы дрессировки животных, духовные верования...

Считается, где-то в VI веке н. э. богатый индийский раджа подарил персидскому шаху около тысячи цыган. При этом, никто не дает ответа на главный вопрос: откуда же эти самые цыгане изначально появились в Индии? Не с неба же упали! Быть может и верно были выходцами с утонувшей Атлантиды... Кстати, такая версия тоже имеется и ее довольно часто можно встретить в самых разных источниках.

В детстве бабушка Агафья рассказала мне старую легенду. По ее словам, цыгане ковали гвозди для распятия Христа, потому-то и обречены на вечное скитание... Поведав ее, немного помолчала, а потом довольно эмоционально добавила:

– Показали бы мне этого первого цыгана и я его из самого поганого ружья застрелила бы. Из-за него катимся все время по земле, как перекасти-поле...

Уже взрослой слышала несколько иную версию этой легенды. Когда Христа распинали на кресте, цыган, ковавший гвозди для распятия, утащил один. Тем самым кузнец облегчил страдания Спасителя. В награду за это Бог простил цыганам нарушение заповеди «не укради» и разрешил иногда воровать.

Есть еще одна интересная легенда о любви Бога к цыганам. Вроде как Бог так полюбил этот народ за его веселье и талант, что сказал: «Я не буду привязывать вас к клочкам земли, как другие народы. Останавливайтесь, где хотите, дарю вам для жизни весь мир и все, что растет и водится на нем».

Не знаю как кому, но мне эти легенды очень нравятся. Ну какой еще народ может похвастаться подобным? Только рома!

* * *

Раньше, когда мы с мамой приезжали в город моего детства Лисичанск, сейчас он стал известен благодаря специальной военной операции, вместе со всей родней в обязательном порядке шли на кладбище, где похоронены дед и бабка. Это был обязательный ритуал.

Прежде, чем открыть калитку оградки, за которой находились могилки бабушки Агафьи и дедушки Василия, несколько минут обязательно приводили себя в порядок – поправляли волосы, одергивали платье... Потом мама, туго завязав платок, делала шаг вперед и тихонько говорила:

– Здравствуйте, родные наши!

– Видите, какой я стала? – мысленно добавляла я в полной уверенности, что давно ушедшие дед с бабкой меня в этот момент обязательно слышат и видят.

Бабушка Агафья с фотографии на памятнике смотрела всегда очень внимательно. У нее и при жизни был очень требовательный взгляд. Вроде как спрашивала строго:

– Ну, что, дорогая внучка, рассказывай, чем занималась? Как жила? Что хорошего сделала?

А вот взгляд у деда Василия на фото мне всегда казался немного обиженным. Так он смотрел, когда я начинала над ним посмеиваться. Человеком он был очень добрым и насколько помню, никого в жизни не обидел словом или делом. Для всех окружающих являлся примером для подражания...

Мне довольно часто приходилось видеть, как молодые цыгане всегда почтительно вставали, когда он входил в комнату и кланялись ему в пояс. Он же воспринимал это с каким-то, я бы сказала, царским достоинством... Эх, как мало мы все знаем о своих родных! Вот сейчас бы душу у деда вывернула, только бы рассказал, почему вдруг к нему такое уважение у окружающих! А тогда только смотрела с любопытством и молчала...

Мы с мамой присаживались на скамеечку, что стояла рядом с могилками, и начинали вести мысленный разговор. О чем беседовала с родными родительница, мне неизвестно. Думаю, говорила с ними о чем-то только им понятном. Лично я всегда старательно отчитывалась о сделанном и благодарила за поддержку. Ибо твердо знала: мои родные с неба следят и помогают по мере сил... Потом выяснилось, что точно также делала и моя сестра Татьяна...

К сожалению, когда теперь попаду в город своего детства сказать сложно, быть может, никогда. А уж на кладбище и вовсе вряд ли побываю. ВСУшники, отступая, все засыпали минами-лепестками и ходить там еще долго будет небезопасно. Так что в ближайшее лет пять, и это минимум, не принесу на могилу бабушки белые розы, которые она очень любила...

Впрочем, цветы могу принести в церковь и оставить их на каноне. А вот то, что никогда не вернусь в тот день, когда последний раз видела свою бабулю живой, даже на протяжении столько десятилетий до слез расстраивает.

Тогда я сильно обидела бабу Ганю или как я ее называла ласково «бабочка». Мне было лет восемь, я закончила первый класс и считала себя совершенно взрослой и самостоятельной.

До конца летних каникул оставалась неделя. Мы жили в Дагестане, где родители строили Чиркейскую ГЭС. Обычно в мае дед меня забирал к себе на все лето. Потом приезжали в отпуск родители, после чего мы все уезжали обратно.

У родни имелся обычай – провожать нас всей семьей, так сказать, шумным табором. Подобное случилось и в этот раз. Поезд отправлялся в четыре утра. До железнодорожного вокзала станции «Насветевич» с улицы Белякова, где мы жили, идти было довольно далеко. И я всегда собиралась в путь очень не охотно. Но только в этот раз! Тут я бежала быстрее лани, ни разу не остановилась!..

* * *

Как обычно, все дружной толпой вывалилось на улицу, перекрыв дорогу. Благо, что в это время транспорта ходит не много. Солнце едва всходило и его розовые лучи только-только окрасили небо.

Все целовались, обнимались, желали доброго пути. Я отошла в сторонку и ждала, когда закончится эта нудная, на мой взгляд, церемония. Очень хотелось, как можно скорее двинуться в путь. Еще бы! Впервые мне доверили нести багаж. И не какую-то авоську с продуктами, а настоящий транзистор!

Совершенно очевидно, ни у кого из моих ровесников, с кем доведется встретиться в поезде, нет этого переносного радиоприемника. Так что я не сомневалась: завистливых взглядов в мою сторону будет отпущено предостаточно. Словом, я упивалась от собственной значимости.

Неожиданно меня сзади обняли и прижали к груди. Даже не глядя я легко определила: бабушка Ганя. Ее объятия было сложно перепутать с чьими-либо другими. Я прижалась к ней покрепче. И вдруг она неожиданно схватила мою голову обеими руками и принялась голосить:

– Не отпускай!

Столь бурного высказывания чувств баба Ганя себе редко позволяла. Она вообще была довольно сдержанным человеком. Поэтому не удивительно, что я испугалась ее криков, попыталась вырваться из ее объятий, но тщетно. Она держала меня крепко. Не придумав ничего лучшего, я принялась вырваться и в голос визжать:

– Ты мне транзистор ломаешь!

Мама, дрожащим голосом, по видимости, тоже испугалась столь бурных эмоций, твердила:

– Мама, не пугай Наташу, отпусти!

Бабка нехотя выполнила просьбу и я мгновенно отбежала на приличное расстояние, а потом, не оглядываясь, понеслась в сторону железнодорожного вокзала...

Через две недели пришла телеграмма, в которой сообщалось, что бабушка умирает. Она болела давно, но скрывала от всех недугов, лишь иногда позволяя себя плакать от боли...

Корю себя до сих пор – почему не поцеловала и не назвала, как обычно, «бабочкой»? Не прижалась, как делала всегда, когда нужно было что-то выпросить и подхалимским голосом не спросила:

– Ты меня любишь?

Как же это плохо, что нельзя вернуться в прошлое. Вот если бы получилось, сколько бы добрых слов я сказала бы своей любимой бабушке, по которой скучаю до сих пор. Но увы...

* * *

Когда я рассказываю о том, что очень рано себя помню, мне обычно не верят. Но тем не менее, это так и есть. У меня навсегда осталось неприятное чувство от холодного прикосновения алюминиевой ножки кровати к лицу и жуткий страх, что если оторву руки от опоры, то упаду и больно ударюсь попой. Наконец решаюсь сделать первый шаг и тут же попадаю в надежные руки матери.

Откуда-то из воздуха, совершенно невероятным образом материализуется бабуля и сует мне в руки отрез красного ситца в белый горошек. Меня целуют, тискают, подбрасывают к потолку.

Что она в этот момент кричит от радости, не помню, а вот этот ситчик врезался в память на всю жизнь, быть может потому, что из него мне потом сшили премиленький сарафанчик.

Когда я более-менее стала увереннее передвигаться, передо мной начал открываться удивительный мир. Первым открытием стал цветник в нашем маленьком дворе, за которым заботливо ухаживала бабушка Ганя.

Вполне понятно, что я постоянно рвалась ей помогать. Моя помощь сводилась к тому, что я периодически срывала головки цветов и бросала на землю, в полной уверенности, что они прорастут. Странно, но меня не ругали за подобное варварство. Мне вообще всегда позволялось многое. Более того, бабушка называла помощницей, а дед Васька в качестве поощрения разрешал держаться руками за лейку, из которой поливал клумбу.

Однажды мама привезла цветочную рассаду. Не знаю, как эти цветы называются в ботанике, мы с ней их называли «коверчки». Выглядели они, действительно, как коверчки. Невысокие стебельки, покрытые острыми листиками, росли тесно прижавшись друг к другу. И на этом мягком зеленом коврике расцветал цветочек. Вся прелесть заключалась в том, что никогда заранее нельзя было определить, какого он будет цвета. Поэтому я старалась проснуться раньше всех, бежала с инспекцией к цветнику, а затем громко всех оповещала: желтый расцвел!

Правда, проснуться раньше всех у меня никогда не получалось. Как бы рано не вставала, бабушка просыпалась раньше. Обычно она в одной ночной рубашке, с распущенной ниже пояса косой, гуляла по двору и с блаженным видом вдыхая аромат роз. Пожалуй, это был единственный случай, когда ее можно было увидеть простоволосой. Бабушка любила туго, волосок к волоску заплетать длинную косу и закалывать ее в тяжелый узел на затылке.

Став взрослой, я безумно хотела быть на нее похожей и начала делать такую прическу. По счастью, я быстро поняла, прическа не делает мое лицо даже отдаленно похожим на лицо бабы Гани и по совету матери стала распускать волосы, а потом и вовсе подстриглась и перекрасилась в светлый цвет.

* * *

Еще совсем маленькой я понимала, насколько красива моя бабушка Агафья Михайловна Берникова. Став взрослой не раз и не два слышала от соседей по улице, где стоял наш дом:

– Бабушка твоя была красавицей писанной.

Потом эти же слова говорили и моей сестре Татьяне. Как ни странно, но никто в нашей семье на нее не похож. Однако Агафья Михайловна все-таки умудрилась передать своим детям, а через них и нам, внукам, понемногу всего самого лучшего, что у нее имелось, и мы за это ей очень благодарны.

Мои школьные подруги, рассматривая семейные фотографии, всегда восклицали:

– Ну, почему ты не такая красивая!

Сейчас могу признаться: слышать подобное было очень обидно! Успокаивало только одно – с детства знала, что похожа на дедушку Васю.

А он, по всеобщему мнению, был просто великолепен. Высокий, до двух метров не хватало лишь двух сантиметров; стройный; широкоплечий: с пронзительными небольшими, но очень выразительными черными глазами; белокожий; и весь такой родной-родной. Особенно мне нравился кожаный пояс с нашитыми серебряными бляшками. Когда приезжал в гости к нам с мамой в Дагестан, все женщины-соседки, забыв о приличиях, приходили к нам за солью или спичками, смотрели на него восхищенным взором и цокали языками: вах, какой красавец!

Только с возрастом стала понимать, каким он был удивительным человеком и какое большое у него было сердце. Он всегда был рядом, когда мы с мамой остались одни, и всегда появлялся в самый нужный момент. Я его очень долго называла папой. Лишь став подростком, стала стесняться. И все потому, что кто-то из взрослых услышав, как я говорю, с удивлением произнес:

– Надо же, какой у тебя старый папа!

Мне стало очень стыдно и после этого случая он навсегда стал для меня дедом.

Никогда не забуду, как дедушка Вася приехал в Дагестан, когда там в мае 1970 года случилось страшное землетрясение. Оно стало одной из самых крупных природных катастроф XX века. Мама его случайно встретила на железнодорожном вокзале. Он замер, когда увидел ее и долго не мог ничего сказать. Потом прижал к груди, заплакал и тихо сказал:

– А уже думал, деточка, никогда тебя больше не увижу!

* * *

Бабуля, естественно в тот период, когда я ее помню, была очень статная женщина. Веса где-то килограмм сто двадцать, но при этом ходила очень легко, будто летела над землей. В одежде всегда выбирала зеленые тона. Знала, что именно этот цвет хорошо оттеняет ее яркие зеленые глаза.

Не помню случая, чтобы она вышла из дома, не подкрасив губы яркой помадой – это единственное из косметики, что позволяла себе Агафья Михайловна. Впрочем, ей этого и не требовалось особенно. Кожа у нее была нежного персикового цвета. Брови у нее были темными от природы, а красить тушью длинные ресницы просто было бы кошунством.

Из украшений в праздничные дни и дни семейных торжеств она одевала невероятной красоты старинные золотые серьги с синей эмалью. Ее дочь Люся потом из этих серег попыталась сделать печатку у знакомого ювелира, только у него ничего не вышло. В итоге, ни серег, ни печатки. Хорошо еще, что остались фотографии, на которых можно эти самые серьги увидеть и тихо выругаться: как подобное сокровище можно было испортить!

На каждый день у бабушки имелись обычные серьги с большими салатовыми камушками. Не знаю почему, но они ей были очень дороги. Однажды бабушка купалась в летнем душе. Для тех, кто не в теме поясню: во дворе ставилась деревянная кабинка. Воду набирали шлангом из водопроводной колонки. К вечеру она нагревалась так, что порой даже не освежала.

Мы все, и я в первых рядах, очень любили принимать этот теплый душ. Обожала это делать и бабушка. В этот день, когда она купалась, случилась неприятность. Неизвестно как, замочек на сережке расстегнулся и украшение смыло водой, словно его никогда и не было. Как же она расстроилась!

Не долго думая, Агафья Михайловна подняла деревянный настил и принялась из ямы вычерпывать застоявшуюся воду. Трудилась она долго, не разрешая никому помогать. Вскоре стало ясно: серьги нигде нет. Как же она причитала! И тут случилось настоящее чудо! Кто-то из домашних проходил мимо этого настила и обратил внимание на странный блеск. Это в лучах заходящего солнца блеснула стекляшка в сережке. Сколько же у бабушки было радости, просто не описать словами! Теперь она снова заплакала, но только от счастья.

Еще одним любимым украшением у нее являлась цепочка с серебряным сердечком. С ней она тоже не расставалась, даже на огороде с ним работала. С этим кулончиком тоже случилась очень интересная история. Украшение бесследно исчезло еще при жизни бабушки. В этот раз искать смысла не было. Кто знает, где она это самое «сердечко» потеряла...

Прошло много лет. Однажды моя младшая двоюродная сестренка Татьяна окучивала на огороде картошку. Несколько раз махнула тяпкой и вдруг в земле что-то блеснуло. Подняла и ахнула! То самое потерянное давным-давно сердечко! Общую радость было не описать. Сейчас это простенькое украшение с маленьким хрусталиком, как самая дорогая память бережно хранится в моей шкатулке...

А еще у бабушки имелся волшебный фартук, сшитый из пестрого ситца. Она умелой рукой сворачивала мне из него куклу. Вообще, у меня имелось довольно хорошее кукольное

королевство. Но, честное слово, кукла из ее фартука в моей памяти навсегда осталась самой лучшей!

Когда она мне ее первый раз свернула, я в прямом смысле слова, онемела от счастья и мгновенно перестала рыдать. Для меня это стало настоящим чудом!.. Потом я ее часто просила сделать мне игрушку из фартука и никогда не получала отказа. А став постарше под ее руководством шила из лоскутков маленьких куколок и рисовала им личики чернильным карандашом..

* * *

Наш дед Василий все делал с необычным изяществом, я бы даже сказала аристократизмом. Верно говорят: порода либо есть, либо ее нет. Глядя на него, даже мысли не возникало, что он долго жил в таборе. Помню, мы с ним как-то сидели на вокзале, ожидали поезд.

Рядом с нами на привокзальной лавке расположился старый цыган. Видимо, от скуки Василий Николаевич с ним заговорил на родном языке, мужик жутко обрадовался. Они довольно активно общались, я со скукой внимала гортанной речи. А потом попутчик вдруг заявляет:

– Обманиваешь! Ты не рома. Слишком светлый для нас! И внучка у тебя светленькая! Наверное, – задумчиво высказал он предположение, – у богатого рома в работниках был, потому так хорошо говоришь по-нашему.

Деду это очень понравилось и он довольно долго смеялся... А еще Василий Николаевич никогда не проходил мимо нищих, которых во все времена на вокзалах имелось много. Он всегда давал мелочь и при этом как-то виновато смотрел в мою сторону, словно просил никому об этом не говорить. Это был наш с ним секрет...

Согласитесь, большинство мужчин едят не красиво. Василий Николаевич не просто ел, он вкушал пищу с наслаждением и невероятным изяществом. Даже простой кусочек хлеба в его руках превращался в изысканную трапезу. Что уж тогда говорить о мясе, которое он всегда ел с ножом и вилкой, или же рыбе...

А как он умел носить одежду! Простые белые парусиновые туфли на его ногах превращались в дорогую обувь! Чтобы они выглядели еще лучше, дед начищал их зубным порошком и они становились просто кипенно-белыми. Словом, наш дед, простой цыган из табора, был весь такой элегантный, уточненный. Есть такое выражение – породистый. Оно, как нельзя лучше, характеризовало Василия Николаевича.

Мама всегда со смехом вспоминала, когда Василий Николаевич вернулся с фронта, а случилось это в 1946 году, он сразу объявил:

– Дети должны называть меня папенькой и целовать руку перед сном!

Ясное дело, его супруга, одиннадцатилетняя дочка и девятилетний сын остались недовольными этими новыми правилами. Мама моя жутко бунтовала, дядя молчал. Что делала Агафья Михайловна не знаю, но довольно скоро мир в семье был восстановлен. Скорее всего, Василий Николаевич сам все понял, ибо этот обычай в с целованием руки на ночь не прижился. Василий Николаевич о нем навсегда забыл.

Честно говоря, было бы очень интересно узнать, откуда дед этого набрался? Как-то слабо верится, что на фронте...

Образование у деда было всего два класса. Так сложились обстоятельства, что учиться у него не было возможности, хотя его старшие сестры, особенно Екатерина, были довольно грамотными.

Долгое время все в семье считали, что его любимая книжка – «Русские народные сказки». Сколько помню, он ее всегда читал перед сном. Но потом выяснилось, что кругозор у деда довольно широк. Мы с огромным удивлением обнаружили, что дед прочитал «Емельяна Пуга-

чева», «Странников», «Угрюм-реку». Потом взялся за роман Анатолия Калинина «Цыган». Произведение это сильно затронуло его душу, он довольно яростно обсуждал со мной многие эпизоды, почему свет стоит ругал главную героиню Клавдию Петровну Пухлякову, называя ее гадкой женщиной, и жалел Будулая...

Сейчас понимаю, наш дед был очень мудрым человеком. Иногда он выдавал такие перлы, что рубаи Омара Хайама меркнут на этом фоне. При случае я их люблю цитировать, а за мной многие из них повторяют и мои друзья. Вот лишь немногие из его высказываний.

– «Из хама пан не выйдет, а вот из пана хам получится»;

– «Лучше у сына под столом, чем у зятя за столом»;

– «Главное, детки, спать спокойно». Лишь став взрослой, я поняла заложенный в ней глубокий смысл...

«Ешь пока рот свеж, а когда завянет – никто не заглянет». Эту фразу часто повторяла моя мама.

Еще одно крылатое дедовское выражение: «Делайте, как чуднее». Тоже всегда звучит актуально.

Или вот, на мой взгляд, совершенно потрясающее: «Жену люби, детям – душу отдай». Своим детям и внукам он, действительно, отдавал ее всю и без остатка...

А еще порой он мог поразить своими знаниями, причем, в таких областях, что лично я просто рот открывала в изумлении и долго не могла в себя придти от услышанного.

* * *

Бабушка Ганя окончила семь классов. По всем понятиям довоенного времени она являлась человеком весьма образованным. К тому же, у нее имелась специальность комбайнера, которую получила, занимаясь на курсах при колхозной машинно-тракторной станции. Мама говорила, что она даже ездила на слет колхозников. Именно из-за этой своей профессии ей пришлось здорово хлебнуть во время фашистской оккупации. Оккупанты почему-то не сомневались: раз комбайнер, значит, большевик... Просто чудо, что не забрали в гестапо. Тем более повод-то какой хороший имелся: цыганка да еще и комбайнерша.

Больше всего на свете Агафья Михайловна любила читать. Ее невероятная страсть к книгам заслуживает искреннего восхищения. Приведу лишь один пример. Как-то она увидела в сельской библиотеке роман Анны Антоновской «Великий Моурави» и тут же попросила дать его прочитать. Библиотекарша никак не могла вразумить: зачем молодой цыганке знать о жизни грузинского полководца Георгия Саакадзе? И категорически отказалась выдавать, заявив, что девочка хочет листы книги использовать под самокрутку. Не долго думая, Агафья сняла с пальца золотое кольцо и отдала его в залог.

Сотрудница библиотеки растерянно смотрела на лежащее перед ней украшение и все время повторяла:

– Нет, ну надо же!

Именно бабушка привила у всех в семье любовь к чтению. По сей день перед глазами стоит картина: за окном темень, на столе горит лампа, а у нее в руках книга... Перед сном она обязательно читала.

Кстати, именно бабуле я обязана своим детским именем Трилли.

Мне тогда было годика четыре. И я, как впрочем и все маленькие дети, обожала смотреть мультфильмы. В большой комнате, мы ее называли гордо «залом», стоял телевизор марки «Неман». Специальных детских каналов тогда не имелось. Какой мультфильм в тот памятный день я смотрела, история умалчивает. Зато все помнили, в какой я пришла восторг от увиденного и радостно хлопала в ладоши.

Как известно, все хорошее быстро заканчивается. Закончился и этот мультфильм. И вместо него по экрану побежали титры какой-то информационной программы. Моему возмущению не имелось предела. Да как только посмели? И я, топая ногами, потребовала немедленно вернуть на телеэкран мультяшных героев.

Желая прекратить истерику, родные дружно запрыгали вокруг меня, пытаюсь объяснить, что сделать это невозможно. Я упрямо продолжала стоять на своем. Наконец бабушка, исчерпавшая все доводы и, устав от уговоров, поинтересовалась:

– Может, тебе луну с неба достать? – явно намекая на капризного мальчишку из рассказа Куприна «Белый пудель».

– Да, – ответствовала я гордо.

Бабка всплеснула руками и объявила всему семейству:

– Это же настоящая Триля!

Имя это ко мне мгновенно и намертво приклеилось. Скажу более, если кто-нибудь из родных вдруг вспоминал данное при рождении имя Наташа, порой не сразу могла понять, к кому обращаются. Но больше всего нравилось, когда кто-нибудь, услышав, как меня называют, с удивлением спрашивал:

– Почему у вашей девочки такое странное имя?

* * *

В детстве, дом, в котором жила, казался огромным дворцом. Еще бы – три комнаты, чулан, где я спала на узкой кровати с панцирной сеткой с тетей Люсей, которая была немногим старше меня и с которой нас связывали очень нежные отношения, и кухня с сениями. На этой самой кухне в огромном количестве водились мыши. По ночам они довольно шустро носились по полкам, где бабушка хранила запасы крупы.

Ее любимец, ленивый полосатый кот Филька совершенно не реагировал на эти пробежки и крепко спал на печи. Его постоянно ругали и обзывали бездельником, он в ответ ехидно прикрывал глаз и начинал демонстративно умываться...

Больше всего в жизни я обожала передвигаться по комнатам, засунув голову между дедовских ног и уцепившись за них руками. Для меня это были своего рода ходули. Дед был очень высокого роста и постоянно ударялся головой о притолоку. А тут еще я мешалась... Но он терпеливо все сносил. Потом точно также полюбила ходить младшая сестренка Танюша.

В этом доме мне было знакомо абсолютно все и тем не менее постоянно случались открытия. Например, однажды под кроватью обнаружила десятилитровую кастрюлю с остатками меда на дне. Тайком, чтобы никто не видел, с бубликом в руках, забралась под кровать и с аппетитом съела, как мне тогда показалось, самый вкусный мед на свете.

А старый ковер с узорами над дедовой кроватью? Из него так здорово было выдергивать цветные нитки! Но однажды меня на месте преступления застала мать и отругала за порчу семейного имущества. Через несколько лет за это же досталось Татьяне...

В огромном буфете на нижней полке стояли банки с вареньем. Бабушка так много варила этих вкусов, что наше большое семейство за зиму просто не успевало все съесть. Каково же было удивление, когда через два года после ее смерти на одной из полок отыскалась двухлитровая банка сливового варенья.

Мы расценили это как привет от Агафьи Михайловны, которая считалась великой мастерицей по части кулинарного искусства. Найденное варенье лишний раз подтверждало устоявшееся мнение – оно сохранило тонкий запах фруктов и было невероятно вкусным.

Каждое дерево в саду имело свое имя. Там росли галочкина груша, колин аброкос, мишина слива, люсины вишни... Причем, это вовсе не было связано с тем, что деревья были

высажены в честь рождения ребенка. Просто в обязанности детей входило ухаживать за деревьями и, когда урожай созревал, собирать его. Меня очень волновало – есть ли там мое деревцо.

Сейчас понимаю, бабушка сказала тогда, чтобы перестала надоедать расспросами. Но в тот момент меня просто распирало от гордости. Еще бы! У меня оказалась собственная яблонька! Как радовалась, когда увидела на ней три краснобоких яблока! Никому не давала сорвать и жутко поскандалила с дедом, когда тот собрался срезать несколько засохших веток.

Возле дома был разбит роскошный цветник, особая гордость Агафьи Михайловны, где главное место занимали необыкновенные по красоте розы. Баба Ганя очень мечтала вырастить белую розу, но ей почему-то на рынке всегда продавали саженцы других цветов. Обычно это выяснялось, когда на кусту появлялся бутон. Она жутко сердилась, но все равно обожала свое приобретение и окружала лаской и вниманием. Ах, какой же стоял аромат у нас во дворе! По сей день забыть не могу!

Ранним утром бабушка всегда выходила здороваться со своими любимцами, я увязывалась за ней, и она учила пить росу с лепестков роз. Честное слово, самый вкусный напиток из всех, что потом довелось пробовать...

* * *

И вдруг, по-моему, мне тогда было лет пятнадцать, неожиданно выяснилось, что дом моего детства просто крошечный, настоящая хибарка. Потолки в нем низкие, стены потрескавшиеся, а половицы и вовсе мерзко скрипят, едва на них наступаешь. Об этом открытии с удивлением поведала матери. Она все сразу расставила по местам:

– Это не дом стал маленький, просто ты выросла!

А потом и вовсе произошло невероятное. Перестало родовое гнездо быть для меня чем-то особенным. Ну, дом и дом. Стоит и ладно..

Прошло много лет. Где я только не жила! Вместе с родителями в небольшой гпдушке в поселке гидростроителей «Дружба», потом с мамой в однокомнатной квартире на пятом этаже дома-коробки, во время учебы в вузе в общежитии и, наконец, в своей собственной квартире со всеми удобствами. Кажется, живи теперь и радуйся. Да только мыслями нет-нет и возвращаюсь в тот старый дом с побеленными белой известкой и мелом стенами да всеми бытовыми удобствами во дворе.

Мне он часто снится. Я брожу в этих сновидениях по комнатам, наступаю на деревянные половицы, которые приветливо отвечают скрипом, едва на них наступаешь. Подхожу к дверной притолоке и вижу отметины чернильным карандашом своего роста и дату, когда она была сделана.

В этих моих сновидениях дед обычно сидит за столом на кухне и пьет, смешно причмокивая, свой любимый напиток чай. Бабушка переругивается с сыном Мишей. Он проснулся раньше всех и опять спрятал портфель младшей сестры Люси. Из-за этого она опаздывает на занятия в школу и вызывает о помощи к родителям. Старший Николай собирается на работу. Моя мама безуспешно пытается накормить меня с ложки, а я отчаянно сопротивляюсь. Каша летит в разные стороны. Сон настолько реален, что, порой кажется, чувствую запах родных стен. И от этого всего просыпаюсь в слезах.

Потом выяснилось, похожие чувства одолевали и мою маму, которой тоже часто снился наш старый дом на улице Беякова. Тосковал по родному очагу и дядя Коля... Он часто повторял:

– Это было наше первое собственное жилище...

Как-то поделилась с Татьяной своими сновидениями и услышала неожиданное:

– Ты тоже плачешь, когда просыпаешься? Я тоже плачу.

К сожалению, хибарки нашей, в которой прошло детство мое и Татьяны и провел первый год своей жизни Денис, больше нет. В силу определенных обстоятельств от дома остались одни развалины. Так что встретиться со своим детством нам всем можно только во сне.

* * *

Как-то дед Васька признался, что семья много ездила потому, как искали место, где будет жить легче и дешевле. Вот и мотались постоянно: Севастополь, Таганрог, Новошахтинск, Краснодар, Ейск... Наконец, Лисичанск, где осели навсегда. Но куда бы не приезжали и где бы не останавливались, неизменно на стене в красном углу дома в первую очередь дед ставил старую икону Тихвинской Богоматери. В детстве я побаивалась строгого взгляда Богоматери, мне всегда казалось, что она следит за каждым моим шагом.

А вот дед воспринимал ее, как часть себя. Перед едой всегда крестился и читал молитву... Без этого традиционного обряда никто к обеду не приступал. Все сидели и терпеливо ждали, когда он закончит. Даже я, которой тогда было совсем немного лет...

Сколько человек становились перед ней на колени, молили о прощении и просили даровать удачу, сказать не берусь. Доподлинно знаю одно, в годы оккупации прабабка Дуня, мать бабушки Гани, молилась перед образом денно и ночно. Богородица услышала молитвы. Ибо семью, которая стояла на расстрельном списке в первых рядах в силу принадлежности к цыганскому племени, не успели уничтожить.

В конце войны случилось большое несчастье. Евдокия сошла с ума. По всей видимости, подобным образом аукнулось каждодневное ожидание расстрела в годы фашистской оккупации.

Хотя потом мне как-то высказали иную версию: своим здоровьем заплатила за спасение семьи. Мне не верится. Слишком дорогая плата за спасение внуков и дочери. Не мог Господь так несправедливо с ней поступить. Видел же, как она страдала, сколько вынесла...

В припадке безумия Евдокия схватила топор и с диким криком разрубила икону пополам. Икона раскололась в аккурат по лику Богомладенца. Доски собрали, кое-как скрепили гвоздями с тыльной стороны и вновь водрузили на почетное место. Теперь же, когда смотришь на образ, кажется, что младенец скривился от боли.

Много лет спустя младшая внучка Евдокии Люся, комсомолка, красавица, замечательная певунья и моя любимая тетя вдруг решила заработать на этой иконе. Она на полном серьезе собралась продать образ в местный краеведческий музей. Ох, как же ругался Василий Николаевич. Он бешено вращал маленькими глазками и кричал, что не позволит продавать Богоматерь, потому что это страшный грех.

Люська отмахивалась. Поняв, что справиться с дочерью не получится, дед обратился ко мне. Кстати, потом мне тоже сильно досталось за союзничество, хотя моя роль в силу младости лет сводилась лишь к молчаливому участию в группе поддержки.

Именно от деда тогда впервые узнала о художниках-богомазах, которые в старые времена жили при монастырях. Распалившийся Василий Николаевич прочитал целую лекцию о том, как прежде иконы рисовались артелями.

– Один создавал рисунок будущего образа, другой – одежды, третий – сам лик... Были и такие, кто искусственно состаривали икону. Какой там Рублев или Феофан Грек, – кипел он, брызгая слюной в разные стороны, – в Закарпатье за кусок сала с хлебом малевали!

Люся, слушая его, тихонько посмеивалась:

– Вот окажется, что автор – известный художник древней Руси, сам побежишь продавать!

Старшие сыновья Николай и Михаил, узнав об этом семейном скандале, вступились в защиту образа. Внесла свою лепту и моя мама. В результате икона осталась на своем месте.

Потом, уже после смерти родителя, по неизвестной причине Люся довольно жестоко обошлась с иконой. Во время очередного ремонта выкинула образ в сырые сени. Там Богоматерь с младенцем долгое время лежала, покрытая белой известкой и заляпанная краской. В один из моих приездов в родные пенаты я ужаснулась плачевному состоянию образа и забрала с собой в Москву, где к тому времени жила.

С тех пор мы не расстаемся с Богоматерью. Она была со мной в годы учебы, работы, оберегает и по сей день. Каюсь, в 90-х, по примеру тети, тоже решила узнать ее ценность, правда, не с целью продать подороже. Просто хотела выяснить, что же это за икона такая, кто ее рисовал. Вполне понятно, на авторство Феофана Грека не рассчитывала, но в душе надеялась: а вдруг ее и верно рисовал известный мастер?

Отдала на экспертизу, чем жутко развеселила старшего дядьку Николая Васильевича, когда поделилась с ним своей идеей. Он смеялся до слез и все время спрашивал:

– Семейное у тебя с твоей тетей Люсей, что ли?

В ходе экспертизы было установлено, что образ написан в конце восемнадцатого – начале девятнадцатого века. Автор, по мнению искусствоведа, жил где-то на Западной Украине и, по всей видимости, работал в артели богомазов. Художественной ценности не имеет, однако может использоваться как предмет семейного культового поклонения. В общем, подтвердил все, о чем кричал с пеной у рта дед в тот далекий летний вечер...

Надо сказать, что я совсем не расстроилась, когда узнала об этом. Тем более, что к тому времени уже стала понимать, в чем заключается ценность образа, который столько десятилетий находился в нашей семье.

* * *

Когда я родилась, бабка постоянно требовала от моей мамы немедленно отнести меня в церковь и покрестить. Она так и говорила – это какой нам грех будет, если дитя умрет некрещеным! Мать отмахивалась: потом!

Возможно, все так бы и было «потом». Однако, когда мне исполнилось полгода, я сильно заболела. Врач растерянно разводил руками, явно не зная, что делать, а я вся лежала в жару. Бабушка жутко испугалась, и едва мне полегчало, помогли травы, что принесла соседка, тут же велела отправляться в церковь.

В крестные мама взяла младшего брата, подростка Мишу, и свою подругу Лиду. Родительница работала в школе и, ясное дело, поход в церковь, если бы о нем узнали на работе, руководство не особо приветствовало.

Поэтому они поехали в Приволье, есть такой город в составе Лисичанского горсовета. Ехать туда следовало с пересадками около двух часов на общественном транспорте. Как потом вспоминала мама, до храма добрались без особых приключений. Довольно спокойно я вела себя и во время обряда. А потом вдруг неожиданно принялась дико орать.

– Сглазили тебя там, – серьезно говорила мама, – мужик какой-то посмотрел и говорит: надо же все детки кричат, а ваша молчит! Ты как закричишь! Ничем успокоить не могли, а тут еще у Лидки разболелись зубы. Как вспомню, так вздрогну!

Но не взирая на все возникшие трудности, меня все же окрестили. Бабка была очень счастлива. Пишу столь подробно не случайно. Почему-то сейчас любят твердить, что в Советском Союзе запрещали ходить в церковь и наказывали родителей, которые крестили детей. Кто хотел, тот крестил, и ходил, и молился. И никакие запреты не мешали это делать. Как говорится, было бы желание.

Мой крестильный крестик как величайшая ценность довольно долго хранился в бабушкином кожаном ридикюле вместе такими семейными ценностями, как клеенчатый brasлетик,

с информацией, что у Ларисы Васильевны Щербаковой родилась дочь, весом 2 кг 400 г, мой белокурый локон, первый выпавший зуб и детская медицинская карточка.

* * *

Не могу сказать, что наша семья была очень верующей. Однако никто из нас никогда с этой верой не расставался и никогда от нее не отступал.

Приведу только один очень красноречивый пример. После окончания ростовского вуза, а случилось это в 1957 году, маму по распределению отправили работать на Кавказ, в глубоко мусульманский регион.

На выбор молодому специалисту предлагалось два города – азербайджанская Ленкорань или дагестанский Буйнакс. Ленкорань Василий Николаевич отменил сразу. Причина оказалась более, чем простая. Когда он с дочерью приехал на место, выяснилось, что во всем городе ни нашлось ни одной православной христианки, готовой сдать комнату молодому специалисту. Поэтому родитель, не дав дочери распаковать чемоданы, двинулся в Дагестан.

Едва дед с мамой прибыли в Буйнакс, он тут же задал свой вопрос директору аварского педучилища, куда мама получила направление на работу:

– Есть ли у вас христианка, готовая приютить мою дочку?

Строгий аварец с густыми усами с первой минуты проникся добрыми чувствами к заботливому отцу и предложил ему поговорить с некой тетей Ниной. Как он сказал, женщина очень праведная, чистоплотная и в Бога верует.

Дед отправился с инспекцией и, увидев образа на стене, согласился оставить свое сокровище в чужой стране, напомню, это был 1957 году и о Дагестане вообще мало кто знал. Скажу более, у меня в 80-е годы, когда я говорила, что приехала из Дагестана, спрашивали:

– Это где? Где-то в Персии?

Я без зазрения совести согласно кивала головой...

Уезжая, дед грозно пообещал:

– Приезжать буду часто. Если вдруг окажется, что дочку обижаете, мало никому не покажется...

Директор успокоил.

– Все будет хорошо! Ваша дочь станет нашей дочерью!

Так оно и оказалось. Дагестан маму принял как родную. И она полюбила его всем сердцем и осталась здесь навсегда, покидая его лишь на короткое время. Когда мама умерла, ее приехал отпевать священник, приехавший из Хасавюрта, а местный мулла по просьбе ее бывших учеников помянул добрым словом в мечети. За ее могилой ухаживают мусульманка и христианка. Вот как-то так получилось по жизни, что Дагестан стал ее второй родиной.

* * *

Многие почему-то считают, что цыгане по своему вероисповеданию язычники. Почему сложилось подобное мнение – не ведаю. С полной ответственностью заявляю – в большинстве своих случаев рома христиане. Не исключение в этом плане и мы. Сейчас модно слово «оцерковленные». Честно признаюсь – значения его не понимаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.